

Вера.

От складов, где мы оставили наш Вольво, домой к Даниилу, ехали на машине Веры. Мы с мамочкой сели по бокам папочки, жались к его плечам. Расспрашиваем его о дороге, о проблемах при сдаче груза. Как обычно папа всегда краток, когда начинает дуться.

— Нормальная дорога. Груз приняли тоже нормально, без претензий. Вы как?

— Коля... Я чувствую — ты не весел. Понимаю причину. Я с тобой была максимально честна. И Даниил тот мужчина, на которого я запала. Поэтому, даже если ты третий раз озвучишь своё предложение, я не приму его. Тебе нужна более верная жена, чем я! Ника — самый хороший вариант.

— Да, пап. Ты что, про нашу Нику уже забыл? Она ведь с ума сойдёт. Получится и ты, и мамочка её предали. Не надо, родимый мой, папочка. Ну, а захочешь мамино тело — так она не откажет. Но только не сегодня... О вспомнила! — Я решила полностью переключить внимание отца на Нику. — Смотрите, что Паша мне выслал.

Я открыла папку «Download» на смартфоне. Нашла три фото лежащей на бревне сестры.

— Это что? Он её по попе ремнём настегал? — Спросил папа.

— Нет, такие следы остаются от ладоней. Ох, хулиганы. — А мамочка то, знаток в этом деле. Когда шалили в Р-во она намекнула на приток крови к тазу, пошлёпала, но не до такой степени.

— За что же он её так? — Моя задумка начала действовать — папа отвлёкся.

— За то, что она очень приятная женщина. Вера. — Обратилась мама к любовнице. — Притормози... Доченька, марш на переднее сиденье... Марш, я сказала.

Хм. Я поняла — она возбудилась, и единственное решение на данный момент — отсос мужского эякулята, для успокоения. Дома я «напрошусь» у Павла на такую картинку. Пусть потом мамочка отлизет мой секрет

Я пересела на переднее место. Глянула на них. Мама о чём-то шептала папочке. Шептала долго, затем к воркованию в ушко, присовокупила ласку ладошкой по ширинке папиных штанов. Он пытался выказать свой протест:

— Зина. Здесь Вера!

— Я понимаю твоё неудобство, но Вера твоя дочь...

— Я о другой Вере!

— Поверь мне, Верочка завтра вечером сделает своему папочке вот так. — Зина, расстегнула молнию на ширинке папиных штанов, достала его полувозбуждённый член. — Отвернись. — Сказала она мне. Отвернулась, но комментарии я слушала. — Я сделаю папочке то, за что он разложит меня на козлах и отхлещет мои упругие ягодицы ремнём.

Вера поправила зеркало заднего вида, но папочка сказал:

— Не отвлекайся от дороги, Вера. Не хватало прервать такое блаженство.

Любовница показала мне — большой палец запустила в ротик и пососала. Затем заговорщицки подмигнула мне. Я изобразила тазом фрикции, сидящего папочки. Папочка тихо постанывал, а я начала гладить ножку любовницы. Тем самым мстя за её игры за столом.

— Доча, не отвлекай Веру! — Папочка оказывается наблюдал за нами.

Мне стало стыдно. Немножечко. Всего лишь за то, что подвергла наши жизни опасности.

Почмокивания с заднего сидения усилились, мама уже «открывала» пробки бутылок. Я обернулась, готовой быстро отвернуться. Но папа уже откинул голову на подголовник, приготовившись к оргазму. Что скоро и наступило.

Мамочка протёрла член влажной салфеткой — гигиена превыше всего. Сказала папику, чтобы он сам спрятал «писюн». И ко времени, когда мы догнали машину Даниила, ничто не выдавало маму. Макияж безупречный, взгляд осмысленный. Пряма сама невинность, готовая передать застрявших меж её зубиков сперматозоидов, возможно! замыслившему поцеловать её Даниила.

На правах любовницы хозяина, мамочка ходила в душ первой. Вернулась одетая по форме «один», правда боевую раскраску не нанесла. Зачем? Вся дичь в её власти!

Я выпросила у Веры платье, свою блузку я уже ненавидела — пропиталась дорожной пылью. Платье пристойное. Колени всего лишь чуточку обнажены. А бельё? В уставе ведь не указано — в белье или без оного принято восседать за столом. Тем более что это не стол королевы Англии, а всего лишь стол отставного офицера российского флота. Даниил ополоснул тело в душевой сауны. Затем показал папе как пользоваться кранами в помывочной.

Женщины естественно сразу приступили к готовке ужина. Нашлись полуфабрикаты, с помощью которых три умных очаровашки, быстро соорудили хорошую поляну за тем же столом, что и вчера. Папа попробовал «Арагви». А водочка по его заключению гораздо лучше.

Мама стукнула ножкой по моей, показала мне глазами, что папик намеревается выпить третью рюмку «прозрачной как слеза».

— Пап. Не части, нам завтра в дальний путь. — Тихо произнесла я.

И сама не стала пить второй бокал.

Беседы опять перешли в пустой трёп. Даниил вспомнил пару флотских анекдотов, которые я слышала в пятилетнем возрасте, сидя за столом на кухне, где папа с друзьями обмывал пятницу, день водителя. Правда папины собутыльники рассказывали обильно, сдабривая их матом, а из уст Даниила они звучали как нормальное сочинение народа.

Вот ведь! Папа оказался пятым-лишним. Для пары ему требовалась Ась. Да где ж эту Ась на ночь глядя найдёшь?

А вот моя Аська уже захмелела. Вчерашняя шалость мне нравилась, поэтому я раздвинула ножки для её проворной ручки. Каким-то пальчиком она пролезла в мою киску. Средним! Хитро улыбнувшись облизала его. А я чо? Пора и мне набираться застольного этикета. Ручка на диван, с него на колено. И по накатанной прямой, до усладителя.

Поддерживая «светскую» беседу со старшими, добываю нектар. Пальчик-пчёлка достиг бутона. Вот он. Солёный. Возбуждающий. Охота увести проказницу в беседку, поставить во вчерашнюю позу и лакать. Лакать.

Но тогда за столом безпарность станет угрожающе несимметричной. Просто иду с любовницей на кухню, помогаю с уборкой и мытьём посуды — наступает третья смена блюд. То бишь чаепитие. На кухне нам удаётся слегка утолить жажду. Сначала Верочка подняла попochку на рабочий стол и поставив правую ножку на него же, раскрыла полный доступ к источнику... какого вкусного напитка! Я лизнула несколько декалитров пахнущего лавандной водой, нектара. Не дала иссохнуть от жажды любовнице, массируя её ушки, в которые охота говорить любовные глупости. Договорившись нашалиться в постельке, понесли приборы для чайной церемонии к столу.

А в зале перемена. Даниил, сидя на диване, хвастается коллекцией монет, разложенных в клястере по номиналу и годам. Мама сидит одЕсную от него, (а где же ещё находиться любовнице хозяина, как не по правую руку?), папа естественно ошуюю от мужчины. Он рассказывает о причинах высокой цены на, казалось бы, копеечную монету.

Мне также становится интересной данная лекция, (в моём хозяйстве монет — может на пять таких клястеров), седлаю стул по-кавалеристски — животом к спинке, начисто забыв о своей не полной парадной форме. Платье естественно разъезжается в стороны, по голым бёдрам к, опять же, голой попе. И так как я стремилась занять место в первом ряду, поближе к докладчику, то он первым и заметил необычную «освещённость» моего межножья.

Докладчик стал заикаться, терять нить лекции. Аудитория не слухом, не духом о причине срыва столь занимательного доклада. Так как освещённость в этом месте зала была не равномерной, то папа (видимо, как всякий мужчина, засмотревшись на изящные обводы моих бёдер) заметил...

Пнул меня ногой в ногу. Показал взглядом.

Пипец! Как кричит в каждой серии «Универа» Кузя — это «ПОТЕРЯ ПОТЕРЬ!». Да это полный ПИЗДЕЦ! Это всем пиздецам — пиздец!

Я соскакиваю. Выбегаю из дома. В беседку! Буду в ней спать. Пледы здесь. Захочу пить — оближу росинку с листа винограда. Пописать? А-а-а, хуже уже некуда, пописаю в кустиках. Завтра, ещё затемно, выйду за калитку, поймаю ночной таксомотор и уеду к складам. Ну не могу я взглянуть в глаза Даниила!

Моё уединение нарушила любовница. Вера, конечно.

— Тебе поплохело? — Она то возможно уже знакома с докладом, не слушала его, полировала ноготок, чтобы он случайно не причинил боли моей киске.

— Ага!

Сказать? Не знаю стоит ли. Хотя, она, как будущая жена Даниила, всё равно узнает. От него. И вот это будет уже рассказ от ЕГО лица. Как он смотрел на мою щель, как он возбуждался (ли?). Его повествование будет не таким, каким является, если смотреть с МОЕЙ стороны. Рассказала. И чего добилась? Вот Вера, истерически сжимая живот, валяется на полу беседки, хохочет как лошадь Пржевальского. Мой первый «хи», мгновенно превращает меня в ещё одну лошадь. Не! Если сравнивать по тембру голоса, то я жеребёнок.

Наши ржания услышали старшие. Вышли к нам. И вот уже нас практически табун. Особенно когда выясняется, что в припадке, мы с Верой, опять забыли о своих голых письках.

Я НИКОГДА истерически не смеялась. Как, впрочем, полу истерически, и даже четверть истерически. Это прекрасней оргазма! Это ХУЖЕ оргазма. Это боль. В лёгких, в мышцах живота, в скулах. Это слёзы с соплями. И эйфорическое кружение головы!

Я очнулась, стоя под струями воды из лейки душа. Мама, такая же обнажённая, моет меня. Я младенец, потому что сил во мне ровно на столько, чтобы сказать: «Мямя».

Голова болит. Видимо так болит голова у папы, если выпьет лишнего. В горле першит от ожогов свежим воздухом. Хоть бы не заболеть простудой. Господи, дай мне сил дойти до лежбища...

06:30, 06:31, 06:32. Что-то с часами? Чего это цифры так быстро перескакивают?

Родненькая моя. Я ещё капелюшечку, всего на парочку морганий цифр, посплю. Хорошо, мамуль, встаю. Доброе утро, папочка. Доброе утро, унитаз. Я на тебе посплю. Хорошо? Ну вот и славно, что так быстро договорились. Мама. Всё-всё, я иду. Чес слово, иду. Вот только

платьице поправлю. Да, мам, ты права. Это ночнушка. Вера! Даниил!!! О! Господи!

Даниил, лучше бы я вообще обнажённой перед вами села. Извиняете? Но в следующий раз в карцер? Если не при полном параде к столу? А где ваша дочь? Как заболела? Простыла? Правду гласит народная мудрость — слово не воробей...

— Доброе утро, любимая. — Я ли это сказала? Голос не мой!

— Доброе. Верочка! — Кто-то подменил нам голоса.

— Славно... посмеялись. Ты выздоравливай, родненькая моя любовница. — Меня пугает не мой звоночек.

— Напишешь мне как доехали. Я тебя тоже полюбила, Верунчик. Приезжай к нам с Павлом. Хоть с кем приезжай, я буду ждать тебя, любимая.

— Побереги горло. Сипишь им. Ты мне тоже напиши о замужестве. Я уверена, что у вас всё будет прекрасно.

— До свидания, сладенькая моя.

— До любовного свидания, душа моя.

В восемь тридцать пять отъезжаем от складов. Давай, ласточка, довези нас до дома.

Павел

Только отзвонилась мама, что выехали из Омска, как подъехал Андрей, через пять минут Василий.

— Верный! В дом никого не пускать. Остановившихся — не облаивать. — Отдал команду псу. Уже привычное мотыляние хвоста.

— Поедем на моей. — Говорит Василий, выгрузив две бензопилы.

Возможно он прав. Я ведь не был там. Какая там дорога?

— Андрюш, ты надумал выбрать себе жену? — Женщин интересуют состояния семей.

— И не думал. А ты, Вась, что надумал?

— Хэ-Зэ! Посмотрю! За просмотр ведь ничего не берут. А вы почему вдвоём едете?

— Ещё сам толком не решил, стоит ли мне окунаться в возможные нервотрёпки, но душа велит отнестись с сочувствием к Насте. Её сознание как пустой диск на компе. Слегка отформатировать религиозную версию и закачивать свою программу. А Ника едет как лазутчик среди женского населения скита — старик вряд ли подпустит мужчин к женщинам.

— Вот и поворот к скиту. Три километра, и мы там. Ника, береги попку, начинаются ухабы.

— Уже привыкла. Ведь на этой попе я проехала три сотни тысяч кэмэ. Как начала с семи лет с папой ездить, так и продолжу.

— Родишь — ребёнка тоже в машину и по трассе?

— Андрюш, не знаю ещё. Лет пять придётся посидеть с малышкой. О-о-оп! Ай! Терпи, задница, не такие были ухабы.

Да. Свой Ниссан я пожалел бы окунать в такую лужу.

— Как её объезжает Настя на лисапедке?

— Во-о-он с боку тропинка. По ней пешком или на велике. Андрей, ты пешком дошёл до них?

— На Уазике можно, но не захотел. Мыть потом. Лень.

— Вот жена и помыла бы. — Ника ткнула меня в бок. Говори, мол, убеждай Андрея!

Я понимаю человеческую, особенно мужскую психологию — начнёшь наседать, можно добиться обратного эффекта.

— Есть здесь реки, озёра? — Перехожу на любовную мужскую тему, игнорируя Нику.

— Километров через двадцать такого пути будет небольшая горная река. Если тебя

интересует рыба, то нужно к рыбакам обратиться, я не любитель. — С урывками на управление машиной ответил Василий. Андрей всего лишь вторую неделю как обживает участок.

Дальше едем молча, временами давая матерные имена той или иной яме.

Четыре избы, три хлева, пара сараев и баня, всё крытое дёрном, на котором проросла трава — вот и все строения скита отшельников. На расчищенном от леса участке — огород под картофель, другие овощи.

К машине направляются две девушки. Настя и её сестра.

Дарья.

«Господи, помоги папеньке и сестре Серафиме. Облегчи им страдания, Господи. Если Ты решил забрать папеньку к себе, то пошли к нам другого пастыря. Молодого, умного. Ведь у Тебя есть такой человек, Господи!». Осенив чело крестным знаменем, я встала с колен. Настя встала след за мной.

Только я оправила подол юбки, как услышала рокот дьявольский. Настя сказала, что это машина так шумит. Мы вышли из избы, где помирали наши папенька и сестра Серафима.

У машины, стоит три мужа. Я всего лишь раз взглянула на них. Которого из них, Господи, Ты послал нам в мужья? Первый одет в синие штаны и голубую рубашку. И правду говорила Настя, что цвета одежд у тамошних людей яркие. Голубенькая рубашка мне больше всего понравилась.

Другой муж облачён в пятнистую одежду. На голове у него зелёный колпак с чёрным костяным полумесяцем. Третий в серых брюках и плотно облегающей сорочке, на которой написано: «Крым наш!» Довольно безграмотно написано. Прости меня, Господи, Тебе виднее как обучать людей разуму.

И с ними рядом греховодница — простоволосая дева. Волосы коротко стрижены, в ушах толи злато, толи серебро. И вместо юбки мужнины штаны. Тьфу, бесстыдница.

Я теперь вместо старшей, поэтому заправив волосы под плат, иду к ним.

— Здравствуйте девушки. Нам бы повидаться с вашим отцом. — Говорит тот что в голубой рубашке.

— Помирает отец Захарий. — Я не плачу. Зачем? Господь вершит свои деяния. Их оплакивать? Грех!

— Ещё ведь не умер? Возможно мы посланники Его. Проведите нас к отцу. — Говорит тот что с буквами про Крым.

— Пойдёмте. Настя, принеси мужу и деве водицы.

Павел.

С Андреем заходим в след за девушкой в дом. Да. Такое же лицо запечатлелось в моей памяти как лицо родного, лежащего в гробу, деда Макара. Бесцветная седина тонких, как шёлковая нить, редких волос. Пергаментная сухая кожа на руках и лице, которые видны из-под одеяла. Приветствуем его.

— Отец Захарий, позвольте мне взять в жёны Настю, младшую вашу дочь. Я буду заботиться о ней как вы. — Чётко и без лишних слов выкладываю причину своего визита.

— Как звать то тебя, отрок? Далеко увезёшь? — Едва ли не шёпотом спросил дед.

— Зовут Павлом. Увезу в Гнездо. Хочу восстановить родовой посёлок. Жена будет мне в этом подспорьем.

— Знаю такое... Грешники были твои родичи... Господь с ними, Ему судить... И Дарью забери.

Тоже девка ещё. Приданного за ними весь скит. Забери себе в Гнездо весь скот, курей, утварь домашнюю... Помру я сегодня. Дарья, слыхала — ты теперь жена Павла?

— Да, батюшка. Я всё сделаю как наказали.

— Какого года рождения девушки? Какая ваша фамилия? И если не затруднит расскажите о истории возникновения вашего скита. — Понимая, что старик живёт последние минуты, тороплюсь с вопросами.

— Дарья в семь тысяч пятьсот шестом году от сотворения мира родилась. Настя годом позже. Фамилия наша Саввиных. По рассказам моего отца, Господь наказал нам основать скит сто семь лет назад... Всё... Дарья, начинай. Без слёз, она опустилась на колени на земляной пол у его изголовья, начала читать молитву. Под которую и перестал дышать старик. Мы вышли из избы.

— Как мы подгадали ко времени. — Сказал Андрей, начал что-то писать в папку. Василий стоял у машины, оглядывал дома, пасущихся в отдалении коров.

— Ты когда последний раз здесь был? — Спросил я у Андрея.

— В апреле, как в лесу тропа протаяла. Тогда женщин было четверо и две девушки.

— Считай за месяц какая-то инфекция скосила их. Нужно похоронить тела. Ника, ты помоги девушкам. Дарья, где взять лопаты?

— Я покажу. — Сказала Настя, потому что Дарья вернулась в дом к покойникам.

Затем Настя повела нас туда где находится их кладбище. Мы втроём начинаем копать, а Настя возвращается в скит. Копать тяжело — сначала корни деревьев мешали, потом мелкие камни попеременно с глиной. Через три часа мы вырыли одну могилу. Пришедшая Настя, поит нас водой и говорит, что они уже омыли тела. Замотали в саван, ждут нас. Три тела лежат на земле у дома.

Используя дверное полотно как носилки, переносим тела по одному к могиле. Опускаем останки всех в одну яму. Девушки молятся в последний раз. Холм над этой могилой выше других.

— Что делать с коровами? Курицами?

— Только пешком гнать к тебе на хутор. — Таков совет Василия. — Куриц можно здесь порубить ощипать и в морозильник.

— Куда нам четыре коровы? Мы столько молока не выпьем.

Я вообще бестолочь в сельских делах. А тут ещё желудок заурчал. И, правда, уже третий час дня.

Девушки предлагают перекусить чем есть. А есть у них каша на молоке, чёрный хлеб и медовый взвар вместо чая.

Перестал урчать желудок, начала работать голова.

— Я сейчас составлю протокол. Вы будете свидетелями... Таков закон, Паш. Девушкам нужны документы. Мы все под пятой аппарата насилия и защиты.

— Ты прав. Считай не откуда возникли граждане страны. Вась, ты что скажешь?

— Насчёт женитьбы? Не-е-е. Я пас. Андрей?

— Я подумаю... Но на девяносто процентов уверен, что не соглашусь. Их надо хотя бы обучить обращаться со смесителями, чтобы квартиру не затопили, с газовой плитой, чтобы не сгорели. А у меня район пятьдесят квадратных километров.

Всё. Теперь они моя ноша. Но у меня есть помощницы. Ника чтобы научить их любить детей, вгрызаться в глотки, защищая детёнышей. Вера станет им учительницей по ведению

хозяйства. Мама будет их любить как своих дочерей, стирая из их памяти те существа, которые лучше обращаются к корове, чем к ним.

Ну, а моя задача руководить ими, защищать. И выполнять роль мужа. Первое — нужно оставить их на эту ночь здесь, сегодня вечером решу, что делать с коровами и птицей.

— Дарья, Настя вы не испугаетесь остаться здесь на ночь?

— Без тебя? — Быстро-быстро заморгали глазки Насти.

— Да. Я завтра с утра приеду, решу вопросы с коровами и птицей.

— Господь нас сбережёт для тебя, муж наш. — Дарья более спокойная.

Андрей наконец составил протокол обнаружения скита на своём участке. Написал, что Захарий Саввиных умер у нас на глазах, повелев забрать из скита своих дочерей — Дарью и Анастасию Саввиных 1996 года рождения. Что приютить их взялся Токарев Павел Петрович, гражданин Украины, подавший заявление на получение Российского гражданства.

Постоянно проживающий там-то и там-то.

Мы с Василием и Никой подписали протокол.

— Пашенька, я останусь с ними. Поговорю по душам. Подумаем, что делать дальше.

— Ты умница, моя любимая. Даша и Настя. Ника над вами главная, делайте что она скажет... Та-а-ак, мобильная сеть отсюда доступна, так что звони, если что.

— Паш, я тебя люблю. Ты самый хороший человек на Земле. И... , думаю ты справишься с несколькими жёнами, хи-хи.

Андрей заторопился сдать протокол в РОВД. Василий отвёз нас к моему хозяйству. По дороге он опять советовал порубить куриц, по его соображению — хлопотное это дело возня с курицами.

Порубить недолго, а вот оживить потом, если надумаю что-то другое — невозможно. Нужно посоветоваться с родными. Вера будет в бешенстве. Однозначно. Но я чувствую в себе уверенность, что смогу убедить её не гневаться.

Теперь мама. Вот с ней, я не так уверен в себе. Хочется отложить разговор до их приезда, но решать вопрос с животными и птицей нужно срочно. Звоню. Вне зоны...

А у меня забота — заготовка дров на зиму. Перчатки, топор, обрывок верёвки подмышку. Верного свистнул с собой. Выбирая стволы под свою силу, начал разбор бурелома. Дело двигалось споро — укладывая стволы комелем в сторону дома, связывал парочку верёвкой оставляя длинную петлю. Надевал её через плечи и шею, как вол тянул к дому. Складывая на окошенном от бурьяна огороде, притащил четыре пары брёвен сантиметров по двенадцать толщиной у комеля.

Не подумал — натёр шею и плечи верёвкой. Снял рубашку и присел на лавочку отдохнуть. Уставшим не заметил, как уснул. Разбудил меня звук клаксона. Кое-как выпрямившись, раскрутил тело вдоль позвоночника, сделал пару-тройку взмахов руками, разгоняя кровь в трицепсах.

За несколько недель существования мотеля, придорожную траву уничтожили колёса машин. А что будет после дождей? Водителям будет тяжело покидать транспорт. Нужно хотя бы насыпать щебня. Где его брать? Сколько он стоит? И вообще нужны ли нам такие расходы? Ведь пока мы ещё даже процент вложенных денег не вернули. С такими мыслями, расселяю людей, получаю оплату. Постепенно успокаиваюсь — ведь клад у нас есть. Есть вероятность, что стоимость его такова, что мотельный бизнес станет хорошим способом отмыть деньги.

Пыль из-под колёс остановившегося Жигулёнка, возвращает мои мысли к щебню, а ещё

лучше к асфальтированию хорошей стоянки. Хотя бы вон там, на пустыре, за крайней от моего дома избой.

Из машины выходят двое. Молодой человек открывает багажник, достаёт какой-то инструмент. Такой ящичек я уже видел — когда несколько лет назад производился ремонт трассы Киев — Черкассы. Ну точно! Тренога. На него крепят теодолит.

— Здравствуйте, леди, здравствуйте сударь. Позвольте поинтересоваться вашими действиями?

— Здравствуйте, молодой человек. — Девушка более общительная, говорит внятно, без снобизма, присущего некоторым «образованным» людям. — Дорогу вашу будут ремонтировать. Мы замеряем перепады, чтобы сверить их со старыми съёмками. Вы дальнобойщик? — Девушка слегка наклонила голову, как это делает Верный, когда внимательно слушает.

— Меня зовут Павел. Я совладелец мотеля.

— Я откликаюсь на имя Римма. А это мой...

— Супруг. — Доканчивает за неё молодой человек. — Антон. Рад знакомству, Павел. Не успеем сегодня дойти до райцентра. Задержались в одном месте... — Антон взглянул на супругу, таким взглядом, что даже десятилетний пацан догадался бы о причине задержки. — И за следующим бугром тоже задержались.

Римма лишь улыбнулась и поправила что-то на животе под плотной курткой работника дорожных служб. Возможно вспоминает — надела ли она трусики после последней запинки.

— И какая компания вас наняла?

— Крайдор. Наконец то поступили деньги из госбюджета. Через пару недель... максимум через месяц, дорожники дойдут до вас.

— Вот вы то мне и нужны. — Интонацией Мюллера: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!», я озвучил свой интерес к ним. — Мне нужно заасфальтировать стоянку. Можете познакомить с главным прорабом? Естественно не бесплатно.

— Не бесплатно познакомить или уложить асфальт? — Однако она меня подловила. — Познакомим бесплатно, если вы позволите посетить ваш туалет. Извините, Павел. — Она слегка покраснела. Вряд ли из-за смущения за то, что она хочет справить естественную нужду.

— Вот биотуалет. Или деревенский нужник во дворе моего дома. Советую воспользоваться последним. Потому что рядом находится баня. Уже подтопленная для вечернего омовения. — Не сказал напрямую — тебе нужно будет потом подмыться, намекнул, что она готова. А для моих нужд или гостии, пусть рассудит сама. — Я, пожалуй, воспользуюсь нужником. Собака там есть?

Я свистнул. Верный добежал за десяток секунд.

— Верный, проводи девушку до нашего дома и охраняй.

— Он понял. Он действительно понял, что ты сказал. — Удивлённая Римма, поплелась за охранником.

— Антон, тебе помочь? — Я решил также не церемониться и перешёл на «ты».

— Вот рейку поддержи вон на той стороне дороги... Дальше... Теперь на моей стороне... Ага...

— А что записывать не будешь?

— Карта памяти встроенная. Как обычный фотоснимок, но только с привязкой к ГЛОНАСС. Теперь в ту сторону от меня иди на двести метров... Я скажу, когда достигнешь, дальномер тоже встроен.

Он перенёс теодолит на следующую точку. Мы успели снять показания с трёх позиций, когда появилась Римма. Она забрала у меня рейку, начала деловито совершать манёвры.

Теперь я обратил внимание на неё. Обычный середнячок. Такие проходят мимо, и мы их не замечаем. Возможно в макияже, в броской одежде она выглядит привлекательней. Но я научился у мамы не бросаться на «обёртку», поэтому ищу натуральную красоту. Возможно без этой геологической экипировки её тело достойно лучшей оценки.

— Я сегодня отослал своё семейство по делам. Не откажитесь ли поужинать со мной? — Возможно это мои гормоны руководят моей речью, а я просто вдыхаю и выдыхаю. Зачем я это предложил? Сам удивлён.

— Извини, Павел, но нам нужно закончить...

— Антон! Это не реально! Позвони, выдумай причину задержки. И я с двенадцати часов кроме лимонада ничего не употребляла. — Едва закончив — «Не употребляла», покраснела. Ну как минимум одну порцию эякулята употребила. А вот предложение солгать кому-то интересно. Наводит на мысль об адюльтере. А сама то ты замужем? Ты тоже будешь лгать? Или напрямую скажешь, что задержалась на работе потому что не сдержалась и отдалась коллеге?

— Хорошо! Один час перерыв и двигаемся к райцентру!

— Антон, машину переставь к правому крайнему дому. — Антон оставил треногу с теодолитом на нас. Поехал. — Трусливый у тебя любовник.

А чего кривить? Сразу кувалдой догадок по головке — хрясь!

— С... с... с чего ты взял? С чего ты взял, что мы любовники? — Наконец отошла от удара кувалдой Римма.

— А вот это моя тайна! — Решил навести тень на плетень. Потомил ожиданием неизвестного.

— Я психолог по образованию. Чётко улавливаю двусмысленные фразы. Из трёх двусмысленных, создаю истинное заключение. Вот только сомневаюсь, что ты сможешь скрывать вашу связь от своего мужа.

— И это ты выяснил? Нифига себе ты Чумак! Как?

— Всего лишь догадывался. Вопросом удивил тебя, ты машинально подтвердила. На твоём лице капилляры расположены близко к коже, малейшее смущение и ты краснеешь.

Мы уже дотащили инструменты до моего двора. Антон сидел в машине свесив ноги наружу. С кем-то общался. Судя по воркованию — вешает лапшу супруге. Ой, как он соскучился, как он рвётся домой. Но работа, сука такая, требует... Требуется!

— Слышишь, как щебечет? Так как ты не торопишься звонить, могу сделать заключение, что твой супруг либо в командировке, либо на учёбе, что более вероятно.

— Учится в Перми. Дураки — рано поженились. Теперь изводим друг друга... Уже и не любим... Уже изменяем... Эх. Разведёмся скорее всего.

— Павел, начальство дало добро завершить съёмку завтра. Можно перекусить...

Лёгкий ужин — алкоголь — баня — МЖМ. Что меня привлекает в этой цепочке? Только ужин и баня. Зачем мне тройничок? Включу камеры, погляжу на обнажённую Римму. Докажу Вере, что не поддался на: «Меня даже царицей соблазнили!».

— Зачем вам ехать домой? Тратиться на горючку? Раз уж вы супруги, переночуйте у меня. Да-а-а-а, Риммочка, тебе не стоит лгать никому. Твоё лицо как лакмус.

— Так чем ты угостишь голодных гостей? — Не поддался на провокацию Антон.

— Чисто деревенскими блюдами. Вот тут супруга наготовила борща со свиной и плов,

опять же со свиной.

— Мне плов. — СказалаА.

— А мне и борща в придачу. — СказалЛ. И уж совсем раскрепостившись, добавилЛ. — Водочку бы к борщу. А Римме вино. Да, дорогая?

— Белое, если есть. Паш, тебе помочь?

— Нет, я сам привык управляться. Антон, как ты выбрал... — Понравилось мне щекотать нервишки Риммочки. — профессию?

— Начитался романтических повестей... Геолог! Тайга! Пустыня! А степи? Казалось бы, чего интересного? Кругом однообразие. Но путешественники так красиво описывают прерии, что охота выбраться на такой простор и... заблудиться. Да, да. В степи можно заблудиться. Я имею ввиду простых людей, не знакомых с ориентированием по светилу, звёздам... Спасибо, Паш... Да, сметану. А ты, Римма, была в степи? — Он ещё не выпил! А уже проболтался! Что с тобой будет дальше?

— Я же тебе сотню раз рассказывала, что не была дальше Пермского края.

Дятлом не назвала, но по «клюву» стукнула.

— Да ты же знаешь какая у меня память...

— Антон! Римма! Позвольте приветствовать вас на своём острове. Желаю вам долгих лет совместной жизни. Счастья и благополучия в семье. — Не давая повода Антону усомниться в том, что я верю их лжи, выставляю ограничения, после которых он, как истинный супруг, не должен мне даже намекать на МЖМ.

Медленно выпиваю пол бокала Алиготе. Римма всего лишь омачивает губки. Желающий опрокидывает рюмку, даже не распробовав напиток. Так можно вставить в гортань воронку, вылить борщ, засыпать плов и перелить пол-литра водки. Ведь ему безразличны его вкусовые рецепторы, созданные миллионами лет эволюции.

— А куда ты отправил свою семью? — Римма вспомнила, что я упоминал о ней.

— Мама с супругой и тестем, наверное, уже едут обратно. Три других жены...

— Ой, уморил! И мама, и тесть. Так ещё четыре жены! — Икнув произнёс Антон.

Да, ты закусывай, Антон. Ты же с одной рюмки опьянел. А тебе баньку посетить надо. Да не одному, а с «законной» супругой. Налить? Налью, конечно.

— Ну, Паш, расскажи правду. — Чуть ли не кладёт ладонь на мою Римма. Спыхватывается и на последних сантиметрах опускает пальцы на стол.

— Значит в правду вы не верите? Хорошо! Я солгу. Мы с вами находимся на сортировочном пункте. Сюда дальнобойщики привозят жидкую дурь. А отсюда забирают мешки конопли. Когда наступит ночь, вы будете, подчиняясь моей гипнотической команде, работать грузчиками. Я ведь вас специально к себе заманил. Сытно кормлю, чтобы вы не потеряли сознание от усталости.

— И утром мы с Антоном подметём остатки конопли с земли, покурим её. Уснём, чтобы проснуться уставшими, с большой головой. Антон скажет: «Дорогая, ты такая страстная штучка, что я вымотался, удовлетворяя тебя!».

— Вот теперь похоже на правду. — Сказал, опрокинув вторую рюмку Антон.

Вот так? Без тоста? Да, Римма, похоже спинку тебе не потрут.

— Антон! Нам ещё баньку нужно посетить. Не части, кушай плотнее. — Девушка видимо знакома с поговоркой: «Рождённый пить — трахать не может!». — Паш, как ты понимаешь я без ночного белья. Можно я в простыню замотаюсь?

— Конечно, Рим. Если не любите сильный жар, а я уверен, что вы НЕ ЛЮБИТЕ жару, то вам следует идти сейчас же. Плотнее поужинаем потом.

— Да, я НЕ ЛЮБЛЮ сильную жару. И Антон это ЗНАЕТ. Поднимайся, дорогой, перед сном нужно совершить гигиенические процедуры.

Римма берёт подмышку полотенца и простыню. Зачем-то глянув в мои зеркала души, последовала за Антоном.

Камеры не только изображение записывают, но и аудиодорожку. В предбаннике появляются мои гости. Римма просит Антона раздеться самому, она сама сможет управиться со своей одеждой. Потом она предлагает сначала смыть грязь с тел. Намыливаются, ополаскиваются. Отдыхая на полке, начинают разговор.

— Ловко я его обманул, что мы супруги.

— Ты прирождённый лжец, лицедей. Я бы так не смогла. А если он просто вида не подаёт? Может он лучший актёр, чем мы? — Ой, я тебя умоляю. Пацан, вчера окончивший школу, да актёр?!

— Но ведь он изящно отправил нас мыться до того, как ты успел охмелеть.

— Я претворяюсь, что пьян. На самом деле хочу предложить ему кое-что... Но сначала ты должна дать согласие на это... Секс втроём.

— Хорошо хоть со мной честен, спросил. Ирке такое предложил бы?

— О, нет! Она такая старомодная насчёт секса. Только традиционный и через день.

— А я значит, как шалава? Легкодоступная?

— Но нам же нравится такая связь? Ты шалава, я блядун, желающий трахнуть любую.

— А мне нравится такая твоя честность. Помнишь прошлым летом я ещё практиковалась, а ты крутил роман с той старухой?

— Ларисой Петровной. Помню. Отсасыва-а-а-ла! М-м-м-м. И чо?

— Я через теодолит смотрела как ты её раком трахал. Голову в окне машины ей зажал и драл. Это что было?

— Так она сама такое предложила. Мол давай, Антоша, в анекдот поиграем. Знаешь ведь как волк сказал: «Машину не куплю, а дверь обязательно!»... ? Ну вот и мы так. Она голову в окно просунула, я стекло поднял, и выеб как лису. Тебе так хочется... ? Чего ж ты молчала? Завтра свернём с трассы... Течёшь уже, сучка?

— Угу. Ты сам в Ирке уверен? Может она только с тобой такая?

— Не сто процентов, но уверен — фригидная жена мне досталась. С первой же ночи такая была!

— А чего же поженились тогда?

— Надежда, мать её ёб! Ведь надеешься, что с завтрашнего дня всё изменится.

— Разведётесь?

— Зачем? Хозяйка она хорошая, умная.

— Так и будешь всю жизнь по бабам шнырять? А если поймает?

— Опять уповаю на надежду.

— А может она хочет грубого секса? С насилием над телом?

— А что? Попробую! Меня это возбуждает. Хочешь такого?

— Нет! — Римма замолчала, качество изображения не ахти, поэтому не понятно, что на её лице написано. — И как ты себе представляешь своё предложение Павлу?

— Ты удержишься здесь. Я предложу сначала выпить чисто в мужской, так сказать,

компании. И затем озвучу.

— Но ведь он дал понять, что желает нам счастья и тому подобное. Разве это не значит, что он откажется?

— Да какой пацан не согласится поиметь жену с рядом лежащим супругом?

— А если он всё равно будет стоек — тогда в дело вступлю я. Надеюсь он не устоит перед видом обнажённой женщины. — Да вы оказывается подходите друг другу, обоюдные стремления к определённому разврату!

Та-а-ак. Пора переставить камеру, которая за иконой, в спальную, где она меня будет соблазнять. Гвозди, пилу, топор. Крупы, муку, соль. Иногда покупал специи — черный перец горошком и гвоздику.

Никогда он не рассказывал о том, что Господь дал людям машины, краски другого цвета. О машинах и цветах мне поведала Настя, которую Господь сподобил выйти из скита вместе с начавшим болеть ногами, папенькой. В первые три раза она сопровождала отца, как носильщица. Потом она поехала на лисапедe сама.

Вести счет у неё получалось гораздо хуже чем у меня, но только она и папенька могли ездить на двухколёсном подарке Господа. У меня же никак не получалось крутить его стремена. Пять раз подол моей юбке застревал в цепи. Настю же Господь надоумил снять юбку и голой обучаться езде. И Господь позволил ей совершить целый круг без помощи папеньки. Когда разделась я и попыталась проехать, то сразу врезалась колесом в колоду, на которой рубились дрова. Ясно ведь, что Господь готовит меня для другого поприща. После этого мы прекратили попытки научить меня езде на этом чудном механизме, оставленном каким-то грибником в лесу ещё до нашего рождения.

Я оставила мысли о прошлом. Сейчас нужно позаботиться о скотине, птице.

— Ника, Настя, пойдёмте к коровам, уберём их лепёшки на солнцепёк, пускай сохнут.

За привычной работой, которую мы проделывали в день по несколько раз, Господь надоумил меня спросить у Ники:

— Ника, сестрица рассказывала, что машины ездят быстро. На сколько быстрее лисапедa или лошади?

— Самая простая машина, может разогнаться до ста километров в час. А на велике самый лучший велосипедист разгонится до тридцати, максимум до пятидесяти кэ-мэ в час.

Получается в два-три раза. Но это если простая машина, а не гоночный болид. Некоторые из них разгоняются до трёхсот...

— Что значит километров в час?

— Километр это тысяча вот таких расстояний, именуемые метр. — Ника показала руками что значит метр.

Я знаю число тысяча, но даже представить себе не могу какое это расстояние.

— Да, как же они не вылетают за край земли?

— За какой край? Нет у Земли края. Есть берега морей, океанов, но края, как обрыва в преисподнюю, нет. Земля круглая как... яблоко.

Да-а-а-а, грешница. Совсем Господь тебе разума не дал. А где же тогда киты плавают? Которые по словам отца Захария до того велики, что в обычное море-акеян они не поместятся. Ладно, сестрица Ника, я сама обучу тебя всему.

— Настя также рассказывала, что ваши машины и дома раскрашены в разные цвета. Куда Господь вас посылает и какие ягоды надоумил собрать для ярких красок?

— Есть целые заводы, на которых с помощью химии создаются различные краски. И насколько мне известно, никаких ягод при этом не используется. Кажется, из нефти добывают некоторые вещества, которые растворяют различные глины, пески.

— Батюшка рассказывал нам что из нефти берут масла для смазки тележных колёс, значит Господь надумил ваших людей на другое применение нефти.

— Да. Из нефти получается много чего, но основное это горючее для машин, самолётов.

— Ковров-самолётов? — Опередила меня Настя.

— Просто самолётов. — Ника закинула голову к небосводу. — Посмотрите вверх. Видите белую полосу? Это на высоте десять километров летит самолёт. В нём летят люди из одного города в другой. На самолётах можно перелететь океан.

Я впервые подумала, что это люди причастны к появлению таких полос, которых я видела множество, когда отдыхала на сенокосе.

— Я сейчас вам покажу какие бывают самолёты, ракеты и автомобили. — Ника достала из штанов какую-то блестящую штучку. Поводила там пальцем... — Вот это наш с папой Вольво. Эта штучковина светилась яркими красками. На ней нарисован большой сарай.

— Красивый сарай Вольво

— Это не сарай. Это наша машина! Марка её Вольво. — Ну не сарай. Пусть машина. Чего так громко говорить? Я теперь внимательно смотрю на машину, возле которой стоит муж. Тёмно-синий цвет машины меня порадовал. А вот сарай, к которому он был привязан, не понравился, какой-то грязно зелёный цвет у него.

— Для чего его привязали к сараю? Боятесь, что убежит?

— Да где ты сараи всё видишь? Это прицеп, в котором перевозятся различные грузы. А вот я за рулём тягача.

Да, лик Ники я сразу узнала. Она держалась за чёрное колесо и улыбалась своей нежной улыбкой.

— Это моя родная сестра Вера. Вы потом познакомитесь с ней. Она у нас с Павлом умница и красавица.

В Вере мне понравилось, что она в нарядном платье. Правда ноги совсем не закрыты подолом, но если Господь её за это не покарал, то значит это можно носить.

— Вера значит старшая жена Павла? — Спросила Настя.

— Если считать, что она первая с ним потрахалась, то да, старшая. Потом я, а следом вы. А вот и самолёт. — Настя несколько раз провела пальцем по стеклу штучки. — Это самолёт, на котором мы с папой и Верой летали на олимпиаду в Сочи этой зимой.

Механизм напоминал мне о свитке рядна, который мы сворачивали для того чтобы отвести на рынок. К свитку приделаны крылья, но не как у птицы, а как лапы сосен и кедров. И опять меня радуют цвета. Тут даже есть мой любимый — кумачовый.

Такой цвет есть в рубине на посохе отца Захария. Ягода лесной малины такого же цвета. Я даже пыталась окрасить рядно малиной, оно становилось серым через несколько дней после носки одежды.

— А вот это ракета. На таких люди летают за пределы атмосферы в космос.

— Куда? — Только теперь я поняла, какая это ложь.

Ладно они пролетят сквозь отверстия в куполе. Невероятно, но возможно. Но они же там сгорят! Знают же все, что летом, дыра которую Господь наименовал как Солнце, приближается к поверхности Земли, и космический жар достигает почвы. Так иногда близко

Господь близко располагает дыру, что даже ночью пекло не остывает. А тут ракета, да в космос? Враки! И чем они там дышат?

И тут она показала такое! Я сразу поняла! Да это же богомазы-грешники изображают всякую бесовщину, а отсталые грешники верят им. На тёмно-синем фоне фигурки. И парят аки ангелы! Без крыльев УПАДУТ!

Ликов не видно, потому как богомаз изобразил их с нимбами. Нимбы не яркие как у ликов на наших иконах, а чёрные. Одеты те люди не понятно во что, которое Ника наименовала как... скафандр. Видны так же яркие точки. Ника сказала, что это звёзды. Вообще сказка. Зачем Господу создавать два купола? Это же затратно! Всё равно что построить ещё одну избу над другой!

И тут я вспомнила, что мы взялись работать, а не сказки слушать.

— Сестрицы, нам нужно докончить с лепёшками и браться за прядение льна. Господь не любит праздных рабов своих.

— Да. Хватит смотреть, а то батарея разрядится. — Сказала Ника какую-то бесовщину. Видно коровий навоз на неё плохо действует. Но ничего сестричка, Господь поможет мне поставить тебя на путь истинный.

Прясть Ника не умеет! Сказала, что приготовит вечернюю трапезу, именуемую ею как ужин. Настя показала где у нас чугунок, ухват, другая утварь. Вот это у Ники споро получается. Скоро в избе разнеслись ароматные запахи жаренной картошки с луком.

Когда, помолившись с Настей, мы преступили к трапезе, Ника сказала, что было бы вкусно если к картошке были соленья, сало или колбаса. Я вспомнила о том, что в нашем леднике есть солёные помидоры. Взяла плошку, сходила в погреб. И действительно стало вкуснее. Салом же она назвала жир свиньи, специально засоленный с добавлением перца и ароматной травы. Даже слюнки потекли у нас у троих, как она интересно рассказывала о засоле сала.

Я разыгралась, сказала, что краюху хлеба можно представить, как пласт сала, посыпала её солью, укропом. Мы, хохоча, съели по два куска такого «сала».

Когда мы сели прясть дальше, сестра Ника помыла посуду. Сказала, что посмотрит другие дома скита.

Мы с Настей обсудили её враки о космосе. Тогда мы помолились Господу, чтобы он дал разума Нике. Такой приятной и весёлой деве. Она вернулась к нам и сказала, что некоторые вещи нужно перенести в дом молитвы. Потому как скит останется без присмотра и могут нагрянуть... воры, растащить наше приданное.

Стеклянные лампадки из каждого дома и бани. Прялки для льна. Самовар медный. Лики святых из каждого дома, Ника велела обернуть рядом. Заботливая, знает, что нужно беречь иконы. Свёртки рядом, приготовленные для продажи. Кудели льна Ника велела запихать в рогожные мешки. Она хочет научиться прясть. Получилось пять мешков плотно набитых волокном.

Пришла пора доить коров. Утреннее молоко уже отстоялось, можно взбивать масло. За такими заботами не заметили, как солнце скрылось за лесом. Но и в сумерках работалось легко, особенно с помощью Ники.

И тут зазвучали ангельские звуки. Мы с Настей замерли, прислушиваясь откуда они исходят. Ника опять достала штучку, которую она именуется... смартфоном. И я услышала голос своего мужа. Голос слышу, а самого не вижу.

А Ника с ним разговаривает, слушает что он говорит, вещает ему о нас. А когда Павел

окликнул нас, то я обрадовалась этому — будто Господь своей дланью провёл по моей душе. Но не знала, что сразу ответить, произнесла простое «Да».

Рубить головы птице была обязанность сестры Анны, которая читала молитву, прежде чем обезглавить Божью тварь. И так как Ника не знает ни одной молитвы, то пришлось мне. Попросив у Господа благословения, отсекала голову курице. Настя держала тушку вниз головой, а я начала читать молитву о благословении на рубку следующей главы.

Ослушаться мужа мы не должны, поэтому всего двум птицам отсекаем головы, ощипываем, потрошим, обжигаем в печи пух. Под Господнее благословение относим тушки в ледник, на самые кучи льда. Вокруг уже темно, мы с сёстрами укладываемся в нашем с Настей доме, куда нас определил папенька, когда повелел маменькам называть нас своими сёстрами. Мы с Настей поместились на моей кровати, а Ника легла на Настину постель.